

Кому принадлежат черноморские степи?

Россия и Азия

У Руси киевского периода был на востоке и на юге грозный враг — степь, вековая арена азиатских хищников.

Азия с незапамятной древности от времени до времени высыла-ла из своих недр племена диких кочевников. Они входили широки-ми воротами между Уралом и Каспийским морем, собирались где-то в степях нижней Волги И вдруг, как гонимая ураганом саранча, неслись на запад по черноморским степям через нижний Дон, Днепр и Днестр, через Карпаты и Дунай разрушать и обновлять обветша-лое наследие римской государственности. Так пронеслись в V в. гунны, сметя в днепровском бассейне готское государство Германриха; вслед за ними прошли болгары, оставив часть своего племени навсегда на средней Волге; через сто лет после гуннов прокатилась волна аваров, захлестнула передовые восточные славянские племена в Приднепровье и встревожила с насиженных мест в Карпатах остальных их сородичей; тогда, в VI в., началось усиленное расселение славянских племен с Карпат на юг, восток и север. Век, когда зарождалась русская земля, был временем сравнительного за-тишья в степи — не было бури, но волны катились непрерывно: хазары (в IX и X вв.), печенеги (в X и XI вв.), половцы (в XI, XII и XIII вв.) триста лет непрерывным прибоем тревожат Ки-евскую Русь, не дают ей отойти от Днепра на восток, не дают спуститься до Черного моря. Юной Руси, передовому бастиону куль-турной христианской Европы, пришлось оказать ей тогда великую услугу: отбивая, сдерживая, поглощая кочевые племена, она ог-раждала левый фланг крестоносной Европы. Запад тогда не знал, да и теперь не вспоминает, этой услуги; но России она обошлась в Дорогую цену, особенно России Южной, принимавшей на себя глав-ные удары все новых волн.

Были и другие причины ослабления Руси в XII в., причины внутреннего порядка: междоусобная борьба Рюриковичей, о которой мы говорили выше, и недочеты социального строя, вопрос о которых стоит в стороне от нашей темы. Не выдержал неокрепший организм этого двойного испытания — стали люди уходить из беспокойных

мест, началось (с конца XII века) запустение Киевской Руси, началось перенесение центра тяжести государственной жизни на север — в леса, вдаль от опасной степи, туда, где зарождалось Московское княжество. И когда в XIII в. из степи налетел девя-тый вал, нагрянуло татарское нашествие (1224 и 1239 годы), юг был сломлен; Киев после храброй защиты взят и сожжен (1240 г.).

В 1246 году францисканец Plano Carpini проезжал на Волгу проповедовать слово Христово татарам; на пути из Владимира-Волынского к Киеву и далее он почти не встречал русских людей — зато видел в полях бесчисленное множество костей и черепов.

Это был трагический час перелома в русской истории. Жизнь замирала на Днепре, но семя ее было переброшено на северо-восток и здесь, в сравнительном укрытии, медленно прорастало: упорно, тяжкими усилиями поднимала голову Москва.

Читатель заметит, насколько эти факты противоречат обычному западному представлению о России как об азиатской силе, грозящей Европе: не угроза ей, а охрана ее от Азии — вот роль России сквозь всю ее историю*.

Но нас интересует теперь другой вывод из изложенного: нам интересно очертание восточной и южной границы Руси или, вер-нее, восточного ее фронта ко времени татарского нашествия.

Покинув в VI в. Карпаты, утвердившись в IX в. на вели-ком водном пути (Новгород — Киев), славянские племена, соста-вившие русский народ, не остановили своего стремления на вос-ток, но стремление это встретило на различных частях фронта раз-личную степень сопротивления. На севере движение затрудняла лишь природа, и русские здесь продвинулись далеко за Вятку.

В Центральной России, на средней Волге, путь руси был преграж-ден болгарским государством (будущим царством Казанским) — здесь Россия ко времени нашествия татар успела лишь достигнуть устья Оки и укрепиться на нем, построив Нижний Новгород (1221 г.). Наконец, на юге силы Азии имели перевес, и Россия едва удержалась на Днепре. Соответственно этому граница начиналась на севере восточнее

Вятки, шла на Нижний, охватывала Рязанское княжество, Орловскую землю и княжество Курское и вдоль реки Сулы подходила к Днепру; против киевского участка его она отсто-яла от Днепра лишь на 100—200 верст; у реки Роси, правого днеп-ровского притока, впадающего всего в 150 верстах южнее Киева, граница пересекала Днепр и шла под прямым углом по Роси и далее к южной грани Буковины**.

Такое очертание границы доказывает, что пространство позднейшей Европейской России делилось в древности не по параллели (как разделили его германобольшевики в Брест-Литовске), а в на-правлении с севера-востока на юго-запад; северо-западная часть — это Россия (Европа), юго-восточная — это «степь» (Азия). Непрес-танная борьба этих двух частей составляет одно из основных явле-ний русской истории. Тысячелетний процесс отодвигания юго-вос-точной границы закончился только в эпоху империи — закрепле-нием Азова за Россией в 1736 г. и занятием черноморского побе-режья при Екатерине Великой.

Если теперь посмотрим на карту германской Украины, то уви-дим, что почти все пространство былой азиатской степи, лежащее к западу от Дона и до границы Румынии, включено творцами брест-литовского договора в пределы Украины. Невольно является пред-положение, что степь эта в эпоху, позднейшую рассмотренной нами, была отвоевана у татар украинским казачеством, что заселили ее только малороссы и что центром, где созрела мысль утверждения России на берегах Черного моря, был Киев. Предположение совершенно ошибочное. Только северо-западный угол этого простран-ства, прилегающий к левому берегу Днепра (то есть губерния Полтавская, соседняя часть Харьковской и юго-западная часть Курской губернии), был приобретен, если можно так выразиться, из Киева; участок этот образовал в XVI и XVII вв. Левобережную Украину. Вся остальная площадь присоединена к России усилиями Москвы и Петербурга***.

* Недавно принц Максимилиан Баденский в одной из речей своих повто-рил обычное немецкое утверждение, будто Германия является оплотом про-тив Азии, то есть России. В течение всей своей истории Россия вступала в Германию три раза: в Семилетнюю войну, которую вела в союзе с Австрией и Францией, в 1813 году, когда во главе Пруссии и Австрии освободила Европу от наполеоновского господства, и в 1914—1915 годы. В который же из этих трех случаев Россия действовала в качестве азиатской

державы?

** Русь киевского периода свободно плавала по нижнему Днепру (ведь стрелы не хватает до середины реки), провозила товары и совершала набеги на византийское побережье — но оба берега реки были в азиатских руках. Киевская Русь (как и Московская) никогда черноморским берегом не владела. Единственное исключение — византийская колония Херсонес Таврический (близ Севастополя), который был во владении Владимира Святого в течение одного года (987 год), и Тмуторакань, сведения о которой прекращаются с конца XI века: видимо, это княжество было раздавлено каким-то азиатским нашествием.

***Обращаем внимание читателя также на западную границу России. На северном участке этой границы город Юрьев был основан великим князем киевским Ярославом I в 1030 г. в земле финского племени эстов; в 1224-м он был взят немцами Тевтонского ордена и переименован в Дерпт. Город Гродно был основан (вероятно, в XI веке) русскими — кажется, среди литовского населения; с 1270 г. город перешел под власть Литвы. На южном участке — города Львов (основан в 1241 г. князем-королем Даниилом Галицким) и Холм (основан ранее XI в.) основаны русскими, в русской земле, среди русского населения — факт, который не нравится иным из моих Польских друзей, *sed magis arnica veritas* (но истина еще больший друг. — Ред.).

Завоевание степи. Роль Москвы

В 1239–1241 гг. татары Батыея разграбили и пожгли Суздальскую землю и Западную Россию, проникли в Литву, где разорили Гродно, огнем и мечом прошли насквозь всю многострадальную Южную Русь, вторглись в Польшу, Силезию, Моравию, Венгрию, всюду нанося поражения, и опустошили Трансильванию. Но судьба спасла Западную Европу: в далекой Монголии скончался верховный хан, и Батый повернул назад, в волжские степи. В степи образовались монгольские государства: Ногайская Орда — к

западу от Днепра, Орда Золотая и другие — в степях Дона и Волги.

Бессильная, раздробленная, обезглавленная лежала истощенная Россия у ног победителя. Природа не дала ей в помощь для ограды с юга ни гор, ни рек, ни даже камня, чтобы создавать себе укрепления. XIII и XIV вв. были веками уныния, духовного и физическо-го оскудения. Но в народной глубине все же текли струи возрождения, и в 1380 г. желанный день настал.

8 сентября 1380 г. объединенные силы русских князей под главенством московского великого князя разбили на Куликовом поле (в пределах нынешней Тульской губернии) многочисленные полчища татарского царя Мамаю. Куликовская битва — поворотная грань в истории монгольского ига: отныне перевес сил склоняется на сторону России. Победа эта — дело рук северной России, сумевшей за сто пятьдесят лет, протекших с татарского нашествия, окрепнуть и объединиться вокруг юной Москвы. Юг России в этой борьбе не участвовал: он находился под иноземным господством татар*, Литвы** и Польши***.

Ровно через сто лет, в 1480 г., великий князь московский разрывает в присутствии послов татарского хана его грамоту. Этим актом татарское иго официально объявлено свергнутым. В 1552 г. Иван Грозный берет Казань, в 1554-м — Астрахань: две главные монгольские державы разрушены — и вся Волга в московских руках. По-видимому, еще в XV в. приток азиатских сил с востока прекратился. Но Азия нашла иной путь и наступает теперь с юга, из Константинополя. Турки овладевают древними греческими и гунно-эзскими колониями черноморского и азовского побережий и (в 1475 г.) Крымом; крымские татары становятся авангардом Турции. Крым тех времен был разбойничьим гнездом: в течение всего XVI века из года в год его конница, к которой по пути присоединяются кочевники со всей степи, врывается в пограничные русские земли, грабит и жжет селения, ловит мирных людей, разбросанных по полям во время работ, похищает женщин и детей; Кафа, нынешняя Феодосия, становится рынком сбыта русских, польских и литовских женщин в страны Черного и Средиземного морей. Ежегодные столкновения Москвы с крымцами принимают временами размеры большой войны. В 1556 г. московский отряд спустился по Днепру, разбил при его устье турко-татар и взял турецкий ост-рог Очаков****; в 1559 г. московское войско тем же путем выплыло в море, впервые вторглось в Крым и опустошило его. В 1571 и 1572 гг. хан крымский дважды нападает на Москву с полчищами в 120 000 человек. Но нам важно лишь отметить постепенное отодвигание московской границы на юг.

Для ограждения своих южных пределов Московское государство создает

оборонительные линии. Около 1500 г. главная линия системы шла по нижней Оке до Рязани, сворачивала на Тулу и кончалась близ верхнего течения Оки (где уже начиналась территория Литвы); в ближайшем к Москве участке эта линия отстояла от нее всего только верст на сто пятьдесят — так еще мал был размах неокрепшей Москвы. Но лет через шестьдесят, в царствование Ивана Грозного, создается вторая линия, верст на сто пятьдесят южнее первой; она проходит через Орел. Наконец, на исходе XVI в. возникает третья линия, много южнее; она состоит из группы укрепленных городов****; самые южные из них (Белгород и Валуйки) находятся на южной окраине нынешней Курской и Воронежской губерний, так что около 1600 г. московская оборонительная линия подошла почти вплотную к местам, где начинались татарские кочевья*****.

Это строительство новых городов и укрепление существующих продолжается в XVII в.; к середине его, еще до соединения с Малороссией (1654 г.) Москва владеет Харьковом и другими, более южными поселениями*****.

Южнее всего власть Московского государства проникла по Дону. Здесь донские казаки в 1637 г. взяли у турок Азов. Казачество донское никогда не теряло связи с Москвой; сознавая свое бессилие удержать завоевание против могущественной Турции, донцы просили московского царя взять город под свою высокую руку; царь Михаил Федорович созвал ad hoc Земский собор (1642 г.). Собор выразил готовность исполнить царскую волю, но указал на тяжелое внутреннее положение страны, и царь не решился рисковать войной с Турцией; казаки обиделись и покинули город. Лишь Петр Великий вновь взял его (в 1696 г.) при помощи созданной им азовской флотилии, и только в 1736 г. Азов, еще раз взятый русскими войсками, вошел навсегда в русские пределы.

На [карте] отметьте на реке Сейме точку верстах в ста пятидесяти от Курска, ниже по течению; отсюда проведите дугу так, чтобы она, огибая Харьков, прошла верст на пятьдесят западнее него; потом ведите черту на юго-восток, к Донецкому угольному бассейну, и далее на восток — к Дону; наконец, спуститесь по Дону. Все, что останется севернее проведенной вами линии, составит площадь, отвоеванную от «степи» Москвой: это те приобретения, которые Московская Русь оставила здесь в наследство Российской империи (1721 г.).

Черноморского берега Москва приобрести оказалась не в силах, и это понятно: ведь одновременно с непрерывной борьбой с азиатской «степью» Московская Русь была вынуждена вести на европейском фронте тяжелую борьбу с могущественными соседями: со Швецией и Ливонией — за восточные берега Балтийского моря, с Литвой и

Польшей — за порабощенную Западную Русь. За сто три года, с 1492 по 1595-й, было три войны со Швецией и семь войн с Литвой-Польшей и Ливонией; эти войны поглотили не менее пя-тидесяти лет; следовательно, на западе мы круглым счетом год вое-вали и год отдыхали*****.

Чтобы выдержать эту борьбу за существование, потребовалось необычайное напряжение народных сил, потребовалось порабоще-ние интересов и прав личности государственным всемогуществом и создание тяжелого, но для того времени спасительного московского самодержавия. Вряд ли есть государство, рост которого дался ценой более тягостной вековой международной борьбы, чем рост государ-ства Московского.

Посмотрим теперь, что сделала для проникновения в татарские степи западная Русь.

* Татары в 1239 и 1240 гг. разорили весь юг России: Переяславль, Черни-гов, Киев, Холм, Галич были сожжены. За полтора века Киев не в силах был оправиться и бесславно прозябал; неизвестно даже, были ли у него свои князья; в 1363 г. он стал легкой добычей Литвы. Княжество Переяславское, южные части княжеств Черниговского и Курского оставались разоренными и под гнетом татар.

** Вслед за татарским нашествием, как бы на смену ослабленной Руси, стала подниматься Литва. Выше мы отметили быстрый рост ее в XIII и XIV вв. за счет русской территории; в 1363 г. великий князь литовский Ольгерд владел уже Киевом. В 1380 г. сын и преемник его, Ягайло, спешил на по-мощь Мамаю, но опоздал.

*** Ко времени Куликовской битвы крайний южный выступ России нахо-дился в руках Польши. Объединившееся Галицко-Волынское княжество бы-стро оправилось после татарского нашествия 1240 г. и прошло при князе-короле Данииле (1249—1264) через

период расцвета; но в следующие сто лет оно клонится к упадку: пресечение галицкой линии Рюриковичей, борьба князей с боярами и давление сильных соседей — Венгрии, Литвы и Польши — положили конец его самостоятельности. Галиция (в 1349 г.) и западная часть Волыни, Холмская земля (в 1366 г.) захвачены Польшей; остальной частью Волыни завладела (в 1340 г.) Литва; окончательно такое распределение уста-новилось в 1387 г.

**** Отметим, что этот отряд построил себе суда на реке Пселе, то есть в центре Левобережной Украины.

***** Вот важнейшие из этих городов, считая с запада на восток: Кромы (вер-ховья Оки), Ливны (основан в 1586 г.) и Елец; южнее: Курск (1586), Оскол и Воронеж (основан в 1586 г.); еще южнее: Белгород и Валуйки (основаны в 1593 г.). К этой же эпохе усиленного строительства относится, вероятно, и укрепление Царицына на нижней Волге, упоминаемого с 1589 г.

***** Мы указали здесь основные линии систем; впереди каждой из них шли линии засек, рвы да острожки, а еще далее, верст на 100—200 вперед, вы-двигалось сторожевое охранение. Таким образом, фактически власть Москвы распространялась значительно южнее тех мест, где проходила в данный пе-риод основная линия.

***** Так, Валки близ Харькова упоминаются как московский город в 1642 г.; Купянск, в 60 верстах к югу от Валук, упоминается в таком же смысле в середине XVII века. Изюм (на Донце, 100 верст к юго-востоку от Харькова), где еще в XVI в. был московский сторожевой пост, в 1681 г. превращается в крепость.

***** Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. II. С. 268.

Роль Левобережной Украины

«Киев, поднимаясь после татарского разгрома, увидел себя по-граничным степным городком чуждого государства» (Литовского). Переяславское княжество, в былое время прикрывавшее его с востока от степи, после монгольского нашествия перестало существовать; опустела также южная часть княжества Черниговского. Имена древних городов, лежавших между Днепром и Сулой, исчезают со страниц летописей на несколько столетий, а то место, где когда-то стоял Курск, с конца XII в. порастает лесом.

Господство Литвы переносилось западной и Южной Русью легко. Мы уже знаем, что в подчиненных Литве русских княжествах литовская власть не нарушала народной жизни; как быт, как уклад, она продолжала в киевской земле быть русской, но направление государственной жизни исходило из Вильны.

Под охраной литовской государственности и московских успехов в борьбе со «степью» русский народ — но теперь уже под именем малороссов — начинает возвращаться из-за Днепра и вновь медленно заселяет покинутые им в скорбные годы земли между Днепром, Сеймом и Ворсклой*. С 1430 г. в документах уже упоминается город Полтава. Но крымские татары еще сильны, и в 1482 г. хан их Менгли-Гирей опустошает всю Левобережную Украину. Набеги крымцев ослабевают лишь с начала XVI в.; жизнь в крае становится более безопасной; с севера возвращаются семьи беженцев, ушедших при нашествии Менгли-Гирея; навстречу этому заселению из степи идет колонизация туранцев, сменяющих свою кочевую жизнь в степи на оседлую в Украине; из-за Днестра приходят валахи. И все же заселение страны происходило за время господства Литвы так медленно, что самая южная литовская оборонительная линия пересекала Днепр у Черкасс, севернее устья Суды, и не ограждала даже Посулья**.

В общем выводе можно считать, что в середине XVI в. Киевская Русь — Украина Литовского государства — достигла вновь тех самых границ, которые независимая Киевская Русь заполняла в эпоху своего расцвета при Ярославе Мудром (1019—1054). Дальнейших земельных приобретений Украина не сделала: малороссы, уходившие далее на восток, вступали уже на московскую территорию, и притом не в качестве

завоевателей, а как беглецы, спасавшиеся от польского владычества под крыло московского орла***.

Продвижение населения в степь и набеги крымцев породили в XV в., в целях обороны, малороссийское (украинское) казачество. С XVI в. казаки сами начали переходить в наступление против татар; но эта борьба не привела к территориальным приобретениям восточнее долины реки Ворсклы: со второй половины XVI в. главное внимание казачества обращается совершенно в иную сторону.

Мы видели, что с 1569 г., после полного слияния Польши и Литвы (или, точнее, после поглощения литовской государственности польскою), Польша стала наследницей всех литовских земель. Киевское Приднепровье не избежало общей участи: с этого года до 1654-го, в течение восьмидесяти пяти лет, Левобережная Украина находится под властью Польши.

Заселение Украины после 1569 г. принимает характер планомерной колонизации; огромные пространства раздаются польским магнатам, которые заселяют их выходцами из более западных частей древней России. Сперва колонизация происходит в пределах Правобережной Украины, с конца XVI в. переходит на левый берег, но в глубь степи не проникает. Король Стефан Баторий основывает город Батурин (1575 г.), он лежит западнее линии Сулы; еще в XVII в. польская семья князей Вишневецких, коим принадлежала почти вся нынешняя Полтавская губерния, принимает меры к заселению Посулья. Польское правительство озабочено не тем, чтобы колонизация проникла в глубь степи, а тем, чтобы всемерно удержать малороссийский вольный люд от такого проникновения. Ведь заселение связано с борьбой против крымцев, а набеги казаков вызывают не только ответные походы татар, но и угрозы со стороны Порты; беду натворят — «нашкодят» — украинские казаки, а отвечает за них польский король. Отсюда постоянное стремление правительства ограничить число малороссийских казаков.

Польское влияние, а затем господство, было не из легкопереносимых. Внесение начала сословности, раздача земель польской шляхте, введение крепостного права, ограничение численности казаков, обращение всех, кто сверх этого числа, в крепостных — все это вызывает враждебное настроение казачества. С конца XVI в. начинается ряд восстаний. Отношения осложняются религиозной распрей. Тяжелая духовная болезнь России и всех славянских государств — смешение начал национального и религиозного — глубоко гнездится даже в католической Польше: для Польши распространять католичество означает полонизировать, и обратно: тот не настоящий поляк, кто не

католик, и притом не латинянин. Совпаде-ние национальной, классовой и религиозной вражды придало борь-бе крайнее ожесточение; она длится почти целое столетие — упор-ная, тяжелая. Со стороны Польши (выражаясь современным язы-ком) — империализм, со стороны казаков — борьба за демократи-ческую свободу; с обеих сторон — победы и поражения, нетерпи-мость и жестокость. Временами успешные военные действия каза-ков перекидываются на Правобережную Украину, но автономии казаки добиться не в силах. Даже когда при гетмане Богдане Хмель-ницком восстание превращается в общее народное движение и охва-тывает в 1648 г. все малороссийское население, успех его, не-смотря на ряд первоначальных побед, не приводит к желанной цели. Помощь угнетенным братьям приходит со стороны Московского государства, и в 1654 г. Левобережная Украина добровольно признает власть царя и тем освобождается наконец из-под трехсот-летнего иноземного господства.

Поглощенное борьбой за независимость, малороссийское каза-чество часто вынуждено прибегать к помощи крымцев против по-ляков и, естественно, лишено возможности помышлять о каких-либо территориальных приобретениях в степи.

Правобережная Украина

Перейдем на правый берег Днепра. Мы можем быть кратки: го-ворить о каком-либо самостоятельном распространении здесь мало-россов к югу не приходится. Правобережная Украина — польская провинция, и следить за изменением ее границ значило бы излагать ход территориального роста или ущерба польской государственнос-ти в зависимости от успехов или неудач польского оружия. В XV — XVII вв. Польша делит с Россией честь обороны Европы от Азии.

Автор: А. Волконский
31.08.2010 14:56 -

* Это треугольное пространство между Днепром, Сеймом и Ворсклой и составляет действительную территорию Левобережной Украины XVI и XVII вв. На правом берегу название «Украина» применяется правильно только к зем-лям древнего Киевского княжества и к полосе, прилегавшей к нему с юга (где лежат города Брацлав и Звенигород); западнее начинались уже Волынь и Подолия. Если вы посмотрите карту, приложенную к статье «Россия» в ита-льянской «Энциклопедии» Валларди, то убедитесь, что из имени «Ucraina» лишь буква «U» помещена на правом берегу (немного к северо-западу от Киева); остальные шесть букв переходят на левый берег, причем последнее «A» приходится немного северо-восточнее г. Полтавы. То же размещение над-писи вы найдете на любом современном серьезном атласе, и вполне пра-вильно, ибо пространство, к которому обыкновенно применялось название «Украина» в XVI и XVII вв. (когда будто бы существовало украинское госу-дарство), обнимало именно соответствующую площадь. Правда, имеется карта 1650 г., на которой границы Украины заходят много южнее, вплоть до границы Оттоманской империи, владевшей тогда берегами Черного моря. Но карта эта, очевидно, следствие побед Богдана Хмельницкого 1648 г., когда Украина достигла максимума своей независимости и действительно получила зачаточный облик государственности. Он просуществовал недолго, всего шесть лет, до 1654 г. На той же карте 1650 г. видно, что вся южная часть территории была пустыней: это была, собственно, не часть Украины, а то, что ныне назвали бы ее «зоной влияния».

Применение имени «Украина» к другим территориям, включая на западе Галицию, а на севере древние Пинское и Туровское княжества, как то делает г-н Грушевский, есть не что иное, как мания величия задним числом.

** Эта линия, хронологически третья, отходила от Винницы на верхнем Буге, шла через Белую Церковь и Черкассы и загибалась к северу. Вторая литовская линия проходила через Житомир, Киев и Остер (на нижней Дес-не), первая линия шла в Полесье, по долине Припяти, и включала замки Овруча, Мозыря и Любеча.

*** Так, первые поселенцы Харькова были малороссы с правого берега Днепра.

Автор: А. Волконский
31.08.2010 14:56 -

Буковина, Молдавия, Подолия, Волынь и отчасти Украина становятся постоянным театром польско-турецких войн. Не будем разбираться в этом лабиринте войн и мирных договоров: это слишком бы удлинит наш рассказ. При удаче польские войска приближались к Черному морю (например, в 1497 г. поляки совершают поход к Аккерману), а турецкие войска доходили до Сандомира, Кракова (1498 г.) и Львова (1672 г.). Но владеет прибрежной степью неизменно Турция. Она же с конца XV в. овладевает Молдавией и нынешней Бессарабией*, так что и вся западная часть степи — прочно в азиатских руках.

Под прикрытием литовской и польской государственности границы Украины продвинулись южнее реки Роси верст на сто пятьдесят по Бугу и на пятьдесят по Днепру**.

Правобережная Украина, как мы видели, принимала участие в восстаниях левобережных казаков, но тщетно; Москва же оказалась не в силах освободить всю Малороссию. На правом берегу только Киев с окрестностями отошел к Москве (1667 г.), вся прочая правая Украина осталась в руках поляков; судьба ее переменчива в зависимости от хода войн между Турцией, Польшей и Москвой. В 1665 г. гетман правобережных казаков Дорошенко отдается под власть Турции; в 1667-м он вновь подчиняется Польше; в 1672-м, по мирному договору, Польша вынуждена отдать Правобережную Украину и Подолию под верховенство Турции, причем Дорошенко признан ленником султана; в 1675-м Иоанн Собесский вновь овладевает Подолией и Украиной; по миру 1676 г. одна треть последней остается за казаками под главенством Турции, остальная часть ее опять подчинена Польше. Москва не забывает Украины: по мирному договору 1681 г. между Турцией и Москвой, Правобережная Украина признана ничьей, то есть как бы самостоятельной; но через два года Польша вновь подчиняет ее еще на сто с лишним лет. Только второй раздел Польши (1793 г.) освободил эту часть русской земли от иноземного владычества.

Запорожцы

Мы проследили положение северной границы степи к середине XVII в., то есть ко времени присоединения Малороссии к Московскому государству. Граница начиналась у Днестра, верстах в двухстах от берега моря, пересекала Буг на таком же расстоянии от

устья его и упиралась в Днепр выше устья Ворсклы; на левом берегу Днепра она выгибалась дугой на север, вновь спускалась южнее Харькова и шла далее к нижнему Дону. Этнографически это была граница русского народа, политически западная половина составляла границу Польского королевства, восточная — границу царства Московского.

Параллельно этой линии, верстах в ста-двухстах южнее ее, от Буга до Дона тянулась граница азиатских государств: от нижнего Буга до нижнего Днепра шла граница Оттоманской империи, от нижнего Днепра до нижнего Дона — граница Крымского ханства***.

Между этими двумя параллельными границами оставалось обширное степное пространство, почти не заселенное, как бы *res nullius*****. Здесь кочевали ничтожные остатки прежних, когда-то страшных нам туранских народов; они все как бы не решались примкнуть к тому или иному из соседних государств и предпочитали гулять на свободе в полупустынной степи. С запада эта часть была ограничена по Бугу Оттоманской империей, с востока — землями донцов.

Тот участок нижнего Днепра, где он у Екатеринослава поворачивает резко на юг и течет в этом направлении на протяжении около ста верст, приходится как раз в центре указанного бесхозного пространства. На этом стоверстном участке находятся пороги, а ниже их, в том месте, где река вновь принимает иное, юго-западное направление, лежат среди камышовых зарослей острова, в те времена они были покрыты лесом. Это было прекрасное место для наблюдения за степью, для предупреждения о нападении татар, и на островах этих с конца XV в. малороссийские казаки держали сторожевой пост. Здесь — охота, рыбный промысел; здесь — свободно: ни властей предержащих, ни помещиков, ни законов, ни судов. Сюда бегут все не ужившиеся в тяжелых правовых и экономических условиях тогдашней государственной жизни, бегут неудачники и лихие искатели приключений. В последней четверти XVI столетия на главном острове имеется уже постоянный пост, а летом собираются более значительные казачьи силы для совершения набегов в степь, на крымские и турецкие владения. После перехода Украины под власть Польши число бегущих в Запорожье быстро возрастает. Тут складывается самостоятельное казачество, вовсе не признающее польской власти. Оно выливается в форму своеобразной республиканской общины и выражает собой как бы протест против новых порядков — против крепостного права и мер, ограничивавших свободный рост казачества, — и в то же время является средством борьбы против турко-татар. Не станем излагать строй этой странной республики, полноправным «гражданином» которой мог стать холостяк любой национальности*****, лишь бы умел прочесть православный Символ веры. Нас интересует роль запорожцев в деле овладения «степью».

Одинаково лихие на коне и в ладье, казаки с конца XVI столетия совершают набеги на турецкое черноморское побережье; овладевают Очаковом (1585 год), нападают на Варну (1605 год), где разбивают турецкий флот; в 1613-м берут Синоп, в 1616-м — Трапезунд, где опять разбивают турецкую флотилию; в 1607-м налетают на Очаков и Перекоп; в 1612-м — на Кафу (Феодосию). Но это только набеги: набегут, награбят, освободят пленников, подожгут и исчезнут. Установить какое-нибудь длительное господство над тем местом, где они развернули свою удаль, они не в силах, и понятно: это лишь горсть храбрецов. В 1594 г. их всего 1300 человек и во всю позднейшую историю запорожского казачества численность его не превосходит 13 000. Не будем также преувеличивать их идейного значения в смысле борьбы с азиатской силой. С крымскими татарами они то враги, то союзники против поляков.

Все с той же целью избежать осложнений с Крымом и Турцией польское правительство принимает ряд мер (первая четверть XVII в.), чтобы препятствовать уходу людей в Запорожье: оно строит крепость Кодак на Днепре выше порогов, чтобы отрезать запорожцев от остальных казаков (1635 г.), и мешает казакам выходить в Черное море; но Кодак в том же году взят и разорен. Польша не в силах совладать с запорожцами: слишком уж далеко до них. За порогами происходит то же явление, какое мы отметили в развитии украинского казачества: с усилением польского господства ослабевает борьба со «степью» и все силы казачества обращаются против поляков. Запорожцы участвуют во всех восстаниях против Польши; на их островах создается идейный центр этой борьбы. В период между 1625—1650 гг. здесь обдумываются и организуются восстания малороссийского казачества. В 1654 г. запорожцы признали, наравне со всей Малороссией, власть московского царя. При этом та часть степи, где запорожцы в силу своих набегов являлись как бы фактическими хозяевами, перешла под московское господство; расширенная победами империи до морских берегов, она составила в XVIII столетии так называемую Новороссию.

Новороссия

После перехода под власть Москвы центральная часть степи оставалась почти незаселенной еще около ста лет. Граничащие государства не решались заселять свои окраины из опасения, что соседи заселят свои; так, русско-турецкий договор 1681 г. постановил, что местность между Бугом и Днепром должна в течение двадцати лет

Автор: А. Волконский
31.08.2010 14:56 -

оставаться впусе. В середине XVII в. образуются первые по-селки из малороссийских казаков и беглецов из остальных частей России; поднимается впервые тучная целина степи. Петербургское правительство охотно допускает сюда всех желающих: приходят серб-ские поселенцы из Австрии, болгары, волохи и др. Закладывается начало административного устройства края*****. При Екатерине Вели-кой отводятся земли немецким колонистам; появляются греки; пе-реселяется из Великороссии значительное число раскольников.

* Город Хотин, лежащий на самом севере Бессарабии, в XVI и XVII вв. был турецкой крепостью с постоянным турецким гарнизоном.

** Эта добавочная территория составила Брацлавское воеводство; неофици-альное наименование «Украина» распространилось также и на него.

*** На участке между Днестром и Бугом польская и турецкая границы совпа-дали. Конечно, мы указываем здесь границы схематично, лишь бы дать идею их.

**** Ничья вещь (лат.).

***** Большинство запорожцев были малороссы.

***** Западная часть, от Буга до Днепра, получает (ок. 1755 г.) название Новой Сербии; восточная, от Днепра до Земли Войска Донского, — Славяно-Сербии. С 1764 г. край называется Новороссийской губернией; по мере расшире-ния его пределов в нем образовывались новые губернии.

Правительство озабочено постройкой городов; это прежде всего крепости для защиты от турецких и крымских владений. Ныне в некоторых уездах Новороссии среди крестьянского населения процент малороссов очень высок, но не надо думать, что города создавались среди этого населения; они создавались в полупустыне. В 1760 г. все население края составляло 26 000 человек (sic!), в 1768-м — 52 000, в 1787-м, когда край посетила Екатерина Великая, в нем было 700 000 с лишком*. Правительство раздавало земли офицерам, солдатам, помещикам; некоторые вельможи получили по сто тысяч десятин; владельцы переселяют на новые земли «своих» крестьян из других имений, то есть со всех краев России. Расширение границ края до моря было следствием блестящих русско-турецких войн екатерининского царствования. В 1770-х гг. наши войска берут Аккерман**, в 1784-м Крым, в 1788-м Очаков; в 1789 г. занято то поселение, где стоит Одесса. В это же царствование основывается черноморский флот, и в 1787 г. князь Потемкин, всемогущий наместник юга, показывает императрице на севастопольском рейде 15 больших и 20 мелких военных судов. Пределы России за счет Турции продолжают расширяться и в следующие царствования: в 1812 г. присоединена Бессарабия. Вся жизнь юга — будет ли то создание кораблестроительной верфи в Херсоне или основание и рост Одессы, разработка (с 1849 г.) донецкого угля, постройка железных дорог или создание торгового флота есть следствие общей работы всей русской империи.

* * *

Здесь мы могли бы закончить эту главу. Но приведенные нами исторические факты дают возможность неожиданно для нас самих дать ответ также на вопрос: была ли когда-либо Украина самостоятельной? Украинфильская пропаганда уверяет (и иные заграничные газеты повторяют с ее слов), что Украина была самостоятельным государством (stato Cosacco) в XVI и XVII вв.

Мы видели, что в эти века Украина составляла часть Польского государства. Польская государственная власть распоряжалась территориий Украины, уступая части ее своим врагам; она строила в ней города, вводила в стране польское право и польские порядки, а в городах вводила право магдебургское; она же определяет численность казаков: в 1575 г. — в 60 000 человек, в 1627 г. — в 6 000 человек, в 1638 г. — в 1200 человек (!); вводит крепостное право и обращает в него даже часть казаков. Предоставленная малороссийскому населению свобода веры такова, что православный митрополит Киевский просит (1625 г.) московского царя принять Украину в свое подданство, а польские помещики сдают свои имения в аренду евреям с правом патроната над православными церквями; взятые в плен гетманы считаются бунтовщиками и как таковые подвергаются в Варшаве всенародной, а подчас и лютой казни***. Тогдашние украинцы не считали себя свободными и упорно, целое столетие жертвовали своей жизнью в тщетной надежде сбросить иноземное иго.

Если украинофильская партия называет страну, находившуюся в подобном положении, государством и считает ее независимой, то надо предполагать, что слова государство, свобода и независимость имеют у этой партии другое значение, чем на русском языке.

Искать в истории России или малороссийской ее части основания для украинских территориальных воцелений или для создания из Украины самостоятельного государства — дело тщетное. Лучше раскройте записки Бисмарка: он вам расскажет, как после 1848 г. германские либералы выработали план отколоть от России ее южную часть. Взгляните еще на ту схему-карту, которую мы находили в ранцах германских солдат еще в 1914 г.: там начерчена раздробленная Россия, маленькая Польша и обширная Украина. Всмотритесь также в какую-нибудь карту пангерманских замыслов, например на приложенную к книжке «La Voemia contro L'Austria-Ungheria» (Рим, 1917) чехословацкого министра иностранных дел Бенеша: на ней видно, как полезно для обеспечения Багдадского грандиозного проекта создать «самостоятельную» и... благодарную Украину.

Неизменное немецкое «Divide et impera – вот где лежит зародыш украинского сепаратизма. Выгодно ли союзникам играть в руку Германии?

* Приведем годы основания некоторых городов. Внутри страны: Екатеринослав и Херсон основаны в 1778 г., Елизаветград в 1754-м, Павлоград в 1779-м, Николаев в 1784-м. На побережье: Одесса в 1794 г., Севастополь в 1784-м, Мариуполь в 1779-м, Ростов-на-Дону в 1761-м; лежавшее близ него укрепление (Св. Анны) было основано в 1731 г.

** Аккерман окончательно перешел во владение России в 1806 г. Изгнать из южных степей азиатское господство и овладеть Черным морем не было под силу ни дотатарской единой Киевской Руси, ни Москве или Ук-раине (частям распавшейся под иноземным давлением России), ни Польше. ни Литве. Только Империя, то есть вся полнота русского мира, оказалась достаточно мощной, чтобы овладеть югом русской равнины. Пройдет рево-люционный угар, и юг этот вновь будет принадлежать тому же единственно-му и естественному владыке своему — единому русскому народу.

*** Например, Сулима и Павлюк в XVII в.